

В САМОМ ЦЕНТРЕ ПРАГИ, на зеленом берегу Влтавы, живет огромный обаятельный человек. В его глазах-щелочках всегда светится хитрая и мудрая улыбка. Он артист. Имя его ЯН ВЕРИХ,—помните «Пекарь императора». В Чехословакии его знают и любят все. Достаточно лишь произнести его имя, как лицо чеха (даже самого угрюмого) покроется улыбкой, и не улыбкой вообще, а улыбкой благодарности, признательности, улыбкой, связанной с массой хороших воспоминаний.

Ян Верих не просто артист. Он — замечательный артист. Когда он выходит на сцену, то уже не так важен сюжет пьесы или ее текст — тут интересен сам Верих, интересно его восприятие действительности, — и смотреть на это радостное зрелище можно до бесконечности. К тому же он еще писатель, драматург, поэт, сказочник... — вернее, не «к тому же», а одновременно, конечно. Верих очень народный артист. И совсем не потому, что ему недавно присвоили это звание. Народным он стал сразу же после своего первого выхода на сцену, когда и званий-то таких еще не было.

А случилось это в 1927 году, когда

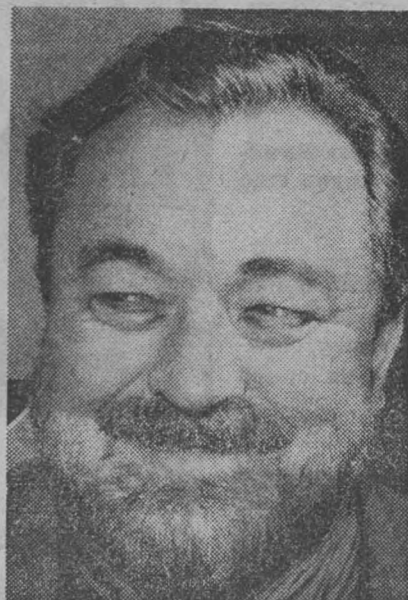
ТЕАТР КАО УНИВ

22-летний Ян Верих и его друг и одноклассник Йиржи Восковец сочинили первую пьесу и сыграли в ней на сцене прогрессивного пражского Освободительного театра. Всего они написали и сыграли 27 пьес. И это за 11 лет! Сюжеты почти всех пьес авторы откровенно брали из истории, герои их были люди все известные — Дон-Жуан, например, Цезарь, Колумб и многие, многие другие не менее славные личности. Даже бог Дионисий фигурировал в их драматургии. И все эти замечательные персонажи из вечера в вечер говорили постоянный текст и спектакли разыгрывали в общем-то нормально. Смешно, как положено в комедии, но нормально.

Но зот выходили на сцену Верих с Восковцем — интеллектуальные клоуны, как их называли, — и театральные законы трещали по швам. Искусство рождалось на глазах изумленной публики и, казалось, помимо воли самих артистов. Фантазия артистов неистовствовала. То и дело создавались, разыгрывались и уничтожались новые ситуации. Комки не могли с собой созвездать и вроде бы даже сами удивлялись: откуда чего берется?! Каждый из них постоянно подставлял другому остроумную «подножку», на что с гомерическим хохотом реагировала публика и которую партнер должен был тут же отпарировать или развить.

Верих с Восковцем щедрые артисты. Они с легкой совестью расставались с удачными импровизациями ради неизвестных новых. И один и тот же диалог каждый вечер звучал по-разному. Ведь каждый день в мире и в Чехословакии происходили новые и новые события — шли 30-е годы, — и импровизации Вериха и Восковца, как бы анекдотично и фантастически они ни развивались, всегда связывали «исторические» события пьесы с острыми событиями современности. Юлиус Фучик, влюбленный в двух комиков, не пропустил ни одной их премьеры, любил заскочить к ним за кулисы посреди спектакля и просто так «поболтать с ребятами», как он их называл.

«Они создали театр, о котором мечтали поэты, а благодаря тому, что они создали его совершенным, он стал театром народным. Они воплотили на сцене театральную поэзию и тем самым придали театру народный дух. Подчеркнули наличие театальной рампы между сценой и зрительным залом и тем самым достигли того, без чего не может существовать подлинный театр: объединения зритель-

ного зала со сценой, слияния зрителей и актеров. Освободили театр от притворства, от симуляции «жизни» и тем самым в тысячу раз увеличили его жизненность; превратили театр в оружие, годное для борьбы», — вот что писал Фучик о Верихе и Восковце.

Почти всегда Верих и Восковец входят на сцену, когда сильные герои пьесы уже приняли какие-то важные решения — захватить власть, например, напасть на мирного соседа, убить поэта Франсуа Вийона. От чрезмерного любопытства, которое прямо-таки распирает Вериха и Восковца, они впутываются в исполнение этих замыслов, попадают, конечно, впрок и от неумения своей активности запутываются окончательно сами и запутывают сюжет пьесы настолько, что сильные мира сего в полной растерянности убивают не того, кого бы им хотелось, а что касается коварных замыслов, то они не то чтобы осуществлялись, а, напротив, разоблачаются.

Ведь театр Вериха и Восковца был народным театром в самом широком смысле этого слова. А сами Верих с Восковцем всегда играли народ. Крепкий на слово, не унывающий в беде, несколько безалаберный и забавный, но никогда не позволяющий себя облапошить и в конце концов мудрый и побеждающий.

Чехословакия оккупирована немцами. Освободенный театр закрывается. Его создатели вынуждены покинуть родину.

МУЗЫ
НАШИХ
ДРУЗЕЙ

Но каждый вечер чехи включали радио и слушали голоса своих любимых артистов. Около двух тысяч радиопередач сделали Верих и Восковец для оккупированной Чехословакии.

После войны Верих с новым партнером Мирославом Горничком воссоздавал прежний театр, много снимается в кино, пишет сказки для взрослых и серьезные книжки для детей, вместе с Восковцем мечтает об экранизации шекспировского Фальстафа...

Самое удивительное у этих удивительных артистов, наверное, то, что при жизни они стали национальной легендой. Ни одному чеху не нужно про них ничего рассказывать — все знают про них все, даже значительно больше, чем сами артисты! Я не знаю, как это получается, — то ли это наследственность, то ли с молоком матери передается, — знаю только то, что в каждом чехе сидит кусочек Вериха и Восковца (даже если сам чех об этом и не подозревает), и чем больше кусочек, тем занятнее чех. Молодые Сухий и Шлитр создали сегодняшний театр «Семафор», конечно, под влиянием искусства Вериха и Восковца. Они об этом с гордостью и заявляют: «Мы глубоко уважаем их театр. Он умел воздействовать не только на тех зрителей, которые сидели в его зале, но даже и на тех, кто ни разу в нем не был».

Борис НИКОЛЬСКИЙ